

ПАРЦИАЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2018

Игорь Михайлович Богуславский

Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН, Москва, 127051, Российская Федерация; Мадридский политехнический университет, Мадрид, 28660, Испания; bogus@iitp.ru

Рассматриваются выражения, количественно характеризующие некоторый объект или ситуацию, сообщая, что этот объект или ситуация составляет определенную часть от другого объекта или ситуации. Речь идет о таких словах и выражениях, как *половина*, *треть*, *четверть*, *процент*, *большинство*, *меньшинство*; *наполовину*, *вдвое*, *на N процентов*, *пополам*, *в большинстве (своем)*, *по большей части* и др. Нас интересует главным образом то, как значение этих выражений взаимодействует со значением других слов в предложении. Иначе говоря, это вопрос о том, что является целым, а что — частью в каждом случае употребления парциального выражения. Эта проблема обсуждается в терминах валентностей и способов их заполнения.

Ключевые слова: актант, валентность, мена диатез, парциал, часть/целое

EXPRESSIONS DENOTING PARTS OF THE WHOLE
IN RUSSIAN

Igor M. Boguslavsky

Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences, Moscow, 127051, Russian Federation; Universidad Politécnica de Madrid, Madrid, 28660, Spain; bogus@iitp.ru

The paper addresses a variety of expressions that quantitatively characterize an object or a situation by stating that this object or situation forms a certain part of another object or situation. Some of these expressions are *polovina* ‘half’, *tret* ‘a third’, *četvert* ‘a fourth’, *procent* ‘per cent’, *bol’šinstvo* ‘majority’, *men’šinstvo* ‘minority’, *napolovinu* ‘by half’, *vdvoe* ‘twice’, *na N procentov* ‘by N per cent’, *v bol’šinstve (svoem)* ‘for the most part’, etc. I am interested in how the meaning of these expressions interacts with meanings of other words in the sentence. In other words, what is the Whole and what is the Part in each case? The issue is investigated in terms of valencies and their instantiations.

Keywords: actant, diathesis change, partials, part/whole, valency

Вводные замечания

В языке имеется много слов, обозначающих ту или иную часть некоторого целого. Части могут быть количественные (*треть яблока*) и неколичественные (*дверца шкафа*), отторгаемые (*ножка стола*) и неотторгаемые (*середина площади*), составляющие органическое целое с другими частями (*дно кастрюли*) и относительно автономные (*капот автомобиля*), имеющие определенную собственную функцию (*ковш экскаватора*) и лишённые таковой (*гребень волны*), материальные (*долька лимона*) и нематериальные (*прорезь прицела*). Подробный обзор различных обозначений частей дается, например, в [Крысин, Ли Ын Ян 2000]. В настоящей работе нас будут интересовать лишь количественные обозначения частей, такие как *половина*, *треть*, *четверть*, *процент*, *большинство*, *меньшинство* и некоторые другие.

* Работа была поддержана грантом Российского научного фонда (РНФ № 16-18-10422).

Эти слова следует рассматривать в контексте группы выражений, количественно характеризующих некоторый объект или ситуацию путем отсылки к другому объекту или ситуации. Характеризация величины отличия одного объекта от другого может быть прямой (*Арбуз весит на 5 кг больше, чем дыня*) или косвенной (*Арбуз весит вдвое больше, чем дыня*). В первом случае различие между исходной величиной и величиной, производной от нее, задано непосредственно (5 кг), а во втором это различие надо еще вычислить. Нас будут интересовать прежде всего случаи второго рода, когда характеризуемая величина представлена как составляющая определенную часть от некоторой исходной величины. Будем называть количественные выражения, называющие часть некоторой величины, парциальными выражениями, или парциалами, а саму величину, от которой берется часть, — целым. Предмет нашего исследования — парциальные существительные (*часть, половина, процент* и др.) и адвербиальные выражения, семантически производные от парциалов, такие как *вдвое, наполовину, на 50 %, в большинстве, по большей части* и др.

Значение парциальных выражений вполне прозрачно. Все они имеют в своей основе простые количественные соотношения как вполне фиксированные — *половина, треть, сотая часть, каждый десятый школьник* (= *десятая часть школьников*) и др., так и неопределенные — *большинство, меньшинство, часть* и др. Нашим сюжетом будет не само по себе значение этих выражений, а то, как оно взаимодействует со значением других элементов предложения. Например, что именно вносит значение слова *наполовину* в предложение *Разбавьте вино водой наполовину?* Сколько воды надо добавить — столько же, сколько имеется вина, или половину этого количества? Что здесь целое, а что половина? Нередко даже носители языка колеблются, отвечая на этот вопрос. Иногда неясность относительно того, от какого целого берется часть, приводит к тому, что предложение имеет две разные интерпретации. Например, предложение (1) неоднозначно: то ли 17 % испанского экспорта маслин приходится на Скандинавию, то ли 17 % маслин, потребляемых в Скандинавии, выращены в Испании.

(1) *Испания поставляет в Скандинавию 17 % маслин.*

Между тем вопрос о том, от какого целого берется данный парциал, относится к категории основных вопросов, встающих при синтактико-семантическом анализе предложения. Это вопрос о том, как заполняются валентности предикатных слов. В случае прототипических предикатных слов — глаголов и существительных — этот вопрос обычно не представляет никакой сложности, поскольку эти слова, как правило, синтаксически подчиняют все свои актаны. Для нахождения в предложении актантов предикатного слова достаточно располагать двумя объектами — моделью управления этого слова, описывающей способы выражения актантов управляемыми формами, и синтаксической структурой предложения, в которой эксплицированы все синтаксические связи между словами. Так, для того чтобы найти актаны глагола во фразе *Обменял шило на мыло* необходимо, с одной стороны, знать, что глагол *обменивать* заполняет одну из валентностей с помощью прямого дополнения, а другую — с помощью косвенного дополнения, вводимого предлогом *на*, а с другой стороны, уметь найти в анализируемой фразе прямое и косвенное дополнение. В случае существительных-парциалов, как мы увидим ниже, ситуация несколько сложнее. Если даже для парциальных существительных задача определения их актантов не вполне тривиальна, то трудности значительно возрастают, если мы перейдем от существительных к их адвербиальным дериватам, поскольку у адвербиальных выражений способность управления выражена гораздо слабее, чем у глаголов и существительных.

План нашего изложения будет следующим. Сначала мы обсудим семантику основного парциального существительного *часть* и выделим те его значения, которые используются для адвербиальной деривации (раздел 1.1). Валентная структура парциальных существительных будет описана в разделах 1.2 и 1.3. В разделе 2 мы остановимся на адвербиальной деривации. В разделе 3 мы соединим темы разделов 1 и 2 и перейдем к парциальным

адвербиалам. Мы опишем их интерпретации в разных контекстах, начиная с контекста предельных предикатов (раздел 3.1) и переходя затем к контексту сравнения (раздел 3.2). В последнем разделе (3.3) на конкретных примерах мы обсудим проблемы соединения значений некоторых парциальных адвербиалов и глаголов, к которым они относятся.

Эта работа выросла из доклада, сделанного автором на VI Международной конференции по теории «Смысл — Текст» (МТТ-2013). Иллюстративный материал в значительной степени взят из [НКРЯ].

1. Валентная структура парциальных существительных

1.1. Значение слова *часть*

Начать следует с семантики самого слова *часть*. Нас будет интересовать его основное значение, описываемое словарями как ‘доля целого’ [БАС; МАС; Ушаков] или ‘доля, отдельная единица, на которые подразделяется целое’ [СОШ]. В словарях выделяется еще ряд значений. Ср., например, значения из [МАС]: ‘предмет, являющийся составным элементом организма или механизма’ (*запасные части*), ‘раздел литературного или музыкального произведения’ (*симфония в пяти частях*), ‘отдел учреждения’ (*учебная часть*), ‘область деятельности’ (*сделал карьеру по гражданской части*), ‘войсковая единица’ (*пехотные части*), ‘в дореволюционной России: административный район города или полицейское управление этого района’ (*сажать в часть*).

Примерами основного значения слова *часть* — *часть*¹ — могут служить предложения (2).

- (2) а. *Интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть¹ жителей* (М. Гаспаров, Записи и выписки).
- б. *Площади, занятые под картофелем, составляют основную часть¹ земельных участков как горожан, так и сельских жителей.*

Значение *часть*¹ мы будем считать элементарным (ср. [Goddard, Wierzbicka 2014], где это значение входит в перечень семантических примитивов).

К значению *часть*¹ примыкают два класса употреблений, которые, по нашему мнению, образуют отдельные значения. Первый из этих классов (*часть*²), трактуемый в словарях внутри значения *часть*¹, образуют случаи типа *третья (пятая, двадцать восьмая) часть (чего-то)*. Такие употребления обладают рядом важных особенностей. Прежде всего, они вводят представление о том, что целое делится на *N* равных частей. Этого компонента значения нет в *часть*¹ — ср. (2) выше. Особенно это заметно тогда, когда при *часть*¹ имеется порядковое прилагательное. При *часть*¹ такое прилагательное обозначает не количество равных частей, на которые делится целое, а место данной части в последовательности других частей. В (3а) госбюджет мыслится как делящийся на три равные доли, каждая из которых есть *третья часть*. В (3б) соотношение размеров частей и даже их число неизвестно. Ясно лишь, что части как-то упорядочены, и одна из них есть *первая часть*, потом идет *вторая часть*, затем следует *третья часть* и т. д.

- (3) а. *Доход Пенсионного фонда равняется примерно третьей части² госбюджета.*
- б. *Третья часть¹ эксперимента превзошла по сложности все, что делали космические медики до сих пор.*

Сделаем несколько комментариев относительно слова *часть*². Прежде всего, число *N* образует семантическую валентность *часть*². Эта валентность синтаксически обязательна и выражается порядковым прилагательным. Если в предложении (4а) опустить такое прилагательное, исчезнет представление о делении целого на несколько равных частей, и *часть* будет осмысляться как *часть*¹:

- (4) а. Он потратил пятую часть² денег.
 б. Он потратил часть¹ денег.

При некоторых значениях N сочетание *N-я часть*² имеет однословный синоним: *половина* (N = 2), *треть* (N = 3), *четверть* (N = 4), *процент* (N = 100). *Часть*¹ этим свойством не обладает, поэтому в (3а) сочетание *третья часть* может быть заменено на *треть*, а в (3б) — нет. При *часть*² часто употребляются числительные:

- (5) а. Таким образом, *девятнадцать* двадцатых частей мироздания остаются для нас абсолютно неведомы.
 б. Пенс — английская монета, составлявшая тогда *одну* двестисороковую часть фунта стерлингов.

Если такое числительное в предложении есть, то *часть*² часто опускается: *??две пятых части наследства* → *две пятых наследства*. Если зависимого числительного нет, то опущение *часть*² невозможно: *пятая часть наследства* — **пятая наследства*.

Из значения слова *часть*² вытекают и другие его отличия от *часть*¹. Так, *часть*¹ сочетается с прилагательным *первый* и даже *нулевой*, а *часть*² по понятным причинам — нет. *Часть*² сочетается с количественными показателями типа *примерно*, *в точности*, *почти*, а для *часть*¹ такие сочетания не характерны. Также имеются несколько устаревшие сочетания *часть*² с прилагательным *половинный* (в значении ‘вторая часть’), невозможные для *часть*¹. Если *третья* (*четвертая* и т. д.) *часть*² у каждого целого не единственна (таких частей всегда ровно три (четыре и т. д.)), то *третья* (*четвертая* и т. д.) *часть*¹ всегда уникальна. Толкование *часть*² может выглядеть следующим образом:

- (6) *X есть N-ая часть*² *Y-a* = ‘X есть одна из N равных частей¹ Y-a, которые целиком составляют Y’.

Обратим внимание на последний компонент толкования — ‘которые целиком составляют Y’. Он существен. Допустим, мы не включили бы его в толкование *часть*², и оно исчерпывалось бы указанием на то, что ‘X есть одна из N равных частей¹ Y-a’. Тогда в ситуации, когда перед нами лежат три восьмушки яблока, про каждую из них мы имели бы право утверждать, что она представляет собой третью часть яблока — ведь про нее справедливо сказать, что она — одна из трех равных частей яблока.

Второй класс употреблений слова *часть* — *часть*³, — который обладает заметной спецификой, но не отмечен в словарях, можно назвать «рецептурным». Вот характерные примеры:

- (7) а. Для того чтобы получить хрусталь, надо взять 56 частей кремнезема, 11 частей окиси калия и 33 части окиси свинца.
 б. Надо взять 5 частей воды, 9 частей сахара и добавить по вкусу сока свежих ягод.
 в. На одну часть глицерина надо было взять три части азотной и пять частей серной кислоты (М. А. Алданов. Бегство).

Это значение можно истолковать так:

- (8) *часть*³ *X-a* = ‘некоторое количество вещества X, служащее для задания количественного соотношения вещества X с другими веществами при приготовлении смеси’ (употребляется только в сочетании с числительным).

Это слово обладает несколькими необычными свойствами.

*Часть*³ обозначает общую меру для нескольких веществ. В этом смысле это слово выступает в качестве единицы измерения, но не абсолютной, как *метр* или *килограмм*, а относительной. Можно сказать, что это слово синонимично сочетаниям *в пропорции*

и в соотношении, которые описывают ту же ситуацию, но в другой синтаксической конфигурации. Ср. синонимичные предложения (9а) и (9б):

(9) а. *Возьмите 1 часть лимонного сока и 2 части яблочного уксуса.*

б. *Возьмите лимонный сок и яблочный уксус в пропорции <в соотношении> 1:2.*

*Часть*³ требует обязательного употребления числительного. Предложение (10) не говорит о том, что оба вещества должны быть взяты в одном и том же количестве, и следовательно содержит *часть*¹.

(10) *Возьмите часть лимонного сока и часть яблочного уксуса.*

Требование наличия числительного распространяется даже на те случаи, когда речь идет о числительном *один*, что отличает *часть*³ от единиц измерения. Как известно, все единицы измерения допускают опущение *один*: *весит один килограмм = весит килограмм, заплатил один рубль = заплатил рубль*. *Часть*³ такого опущения не допускает. В предложении (11) числительное *один* опустить нельзя (см. (10) выше).

(11) *Возьмите одну часть лимонного сока, одну часть яблочного уксуса и две части сахара.*

Наконец, употребление *часть*³ ограничено контекстом приготовления продукта или вещества, в процессе которого разные вещества соединяются в определенных пропорциях. Вне этого контекста *часть*³ не используется; ср. странное *Он взял две части воды и выпил*.

В этом разделе мы обсудили семантику главного парциального существительного *часть*. Среди его значений для целей настоящей работы важнее всего два — *часть*¹ и *часть*², поскольку они лежат в основе значений остальных парциальных существительных. В следующем разделе мы остановимся на актантной структуре парциальных существительных.

1.2. Семантические валентности парциальных существительных

Кажется очевидным, что парциальные существительные имеют ровно одну семантическую валентность¹ — валентность целого, от которого берется часть. Эта валентность реализуется именной группой в родительном падеже: *часть территории, четверть арбуза, 30 % населения*. Между тем эта очевидность кажущаяся.

Значение части предполагает наличие двух сущностей — целого и самой части. Примеры типа *четверть арбуза* наводят на мысль, что синтаксически связываться с парциалом может только обозначение целого. Однако это еще не означает, что обозначение части не может быть актантом парциала. Как известно, наличие непосредственной синтаксической связи с валентным словом не является для актанта обязательным требованием. Для того чтобы признать некоторое выражение актантом данного слова, достаточно, чтобы это выражение соответствовало обязательному участнику ситуации и систематическим образом выражалось в предложении вместе с данным словом, причем не обязательно в качестве его синтаксического зависимого [Mel'čuk 2015: 18]. Например, таким систематическим выражением может служить присоединение актанта через лексико-функциональный глагол группы *Open-Func-Labog* и, в частности, через связку. Обозначение части целого этому требованию, безусловно, удовлетворяет. Часть всегда может быть присоединена к парциальному существительному через связку или другой лексико-функциональный глагол:

(12) а. *Вратарь — это половина команды.*

б. *В 1700 году население Англии составляло четверть <четвертую часть> тогдашнего населения Франции.*

¹ Если не считать одну из валентностей *часть*², заполняемую порядковым прилагательным (*пятая часть наследства*).

Подобным образом ведут себя не только парциалы. Парциальные существительные входят в состав обширной группы существительных, которые могут служить обозначением для одного из своих актантов (подробнее о таких существительных см. [Богуславский, Иомдин 2011]). Например, во фразе *Расстояние в 630 километров между Мадридом и Барселоной скоростной поезд преодолевает меньше чем за 3 часа* выражение *630 километров* заполняет валентность слова *расстояние*, но одновременно это же выражение можно присоединить к слову *расстояние* через связку: *Расстояние от Мадрида до Барселоны — 630 километров*. Так что можно сказать, что *630 километров* — это и есть расстояние от Мадрида до Барселоны.

Вообще говоря, одних лишь примеров типа (12) было бы достаточно, чтобы считать, что у парциалов есть валентность части. Однако есть и другие бесспорные проявления актантного статуса обозначения части при этих существительных. Дело в том, что в ряде контекстов они также могут выражаться именной группой в родительном падеже, непосредственно связанной с парциалом. В парах (13)—(17) в предложениях (а) выделенная именная группа (ИГ) выполняет роль целого, в (б) — роль части.

- (13) а. *В Израиле живет 45 % евреев* (*евреи* — целое; т. е. = ‘45 % (всех) евреев живет в Израиле’).
 б. *В Израиле живет 75 % евреев* (*евреи* — часть; целое = ‘те, кто живут в Израиле’; т. е. = ‘евреи составляют 75 % населения Израиля’)².
 в. *75 % евреев живет в Израиле*.

Заметим, что при осмыслении (13б) квантифицированную группу нельзя вынести в позицию. Предложение (13в) осмысляется аналогично (13а) — в значении ‘75 % всех евреев живет в Израиле’.

- (14) а. *В озере Байкал сосредоточено около 20 % мировых запасов озерной воды* (*мировые запасы озерной воды* — целое; т. е. = ‘...20 % от мировых запасов’).
 б. *Настойка содержит 6 % спирта* (*спирт* — часть; целое = ‘то, что содержит настойка’; т. е. = ‘спирт составляет 6 % содержимого настойки’).
 (15) а. *Десять процентов учеников учатся на двойки* (*ученики* — целое, от которого берется 10 %).
 б. *Десять процентов двоечников — это слишком много* (*двоечники* — часть, целое — все ученики школы; т. е. = ‘двоечники составляют 10 % от общего числа учеников’).
 (16) а. *В последнем справочнике две трети новых фамилий начинается на согласную* (*новые фамилии* — целое).
 б. *В последнем справочнике две трети новых фамилий* (*новые фамилии* — часть; целое — ‘то, что содержится в последнем справочнике’; т. е. = ‘новые фамилии составляют две трети от того, что содержится в последнем справочнике’).
 (17) а. *Верхушка компании Сибур арестована* (*компания Сибур* — целое).
 б. *Проводилась непродуманная политика сколачивания верхушки богачей* (*богачи* — часть; все общество — целое; т. е. = ‘...верхушка общества, состоящая из богачей’).

Парциальная группа в предложениях (13б)—(17б) с ИГ в значении части может быть преобразована в связочную конструкцию, и тогда актант со значением части, естественно, получит именительный падеж: *В Израиле 75 % — евреи*; *В настойке 6 % — спирт*; *В нашей школе 10 % — двоечники*; *Верхушка общества — богачи* и т. п.

² Как это ни удивительно, согласно данным Википедии на декабрь 2017 г., оба суждения (13а) и (13б) являются истинными.

Предложения (6) в парах (13)—(17), где зависимая ИГ соответствует валентности части, представляют особый интерес. Чтобы создать более полное представление о таких предложениях, приведем еще несколько примеров.

- (18) *Другой коллега нес в жилах скрытую половину немецкой крови* (Л. Улицкая) ('половина того, что он нес в жилах, — немецкая кровь').
- (19) *У нее в котлетах всегда две трети хлеба* ('хлеб составляет две трети того, что находится в котлетах').
- (20) *Это тем более удивительно, что большинство жителей башкирским не владеют, ведь в городе больше половины русских, татар — процентов тридцать, а башкир, даром что титульная нация, всего пятнадцать* ('больше половины тех, кто живет в городе, русские').

Если в этих предложениях ИГ в родительном падеже, зависящая от парциала, соответствует не валентности целого, а валентности части, то возникает вопрос, как тогда заполняется валентность целого? Возьмем для примера предложение (18). Слова, которое непосредственно обозначало бы то целое, от которого немецкая кровь составляет половину, в предложении нет. Однако некоторым образом это значение в предложении представлено. Целым является то, что этот коллега нес в жилах. Иными словами, более эксплицитно значение этого предложения можно представить как 'другой коллега нес в жилах W; немецкая кровь составляет половину от W'. Таким образом, валентность целого в предложениях (18)—(20), безусловно, заполнена, но необычным образом — значение, заполняющее ее, строится из значения глагольной группы.

Как мы видели, в предложениях (13)—(17) в одной и той же синтаксической позиции относительно парциала — в позиции подчиненной ИГ в родительном падеже — находятся выражения, заполняющие его разные валентности. Как можно квалифицировать соотношение между предложениями (13а)—(17а) и (13б)—(17б)? Это типичная ситуация мены диатез.

Как известно, диатеза — это соотношение между семантическими и синтаксическими актантами предикатного слова. Это понятие было введено в связи с формализацией понятия залога (см. пионерскую работу [Мельчук, Холодович 1970]; новейшую версию этого подхода можно найти в [Mel'čuk 2006]). Существенна не столько диатеза сама по себе, сколько ее возможная неединственность у одной и той же лексемы. Если глагольная лексема морфологически маркирует мену диатезы, особенно если при этом не происходит изменения пропозиционального значения этой лексемы, то можно говорить, что эти диатезы соответствуют разным граммемам залога. Естественно, что если мена диатезы не маркируется в глаголе морфологически (*грузить баржу углем* — *грузить уголь на баржу*), то это противопоставление не залоговое.

Обычно о диатезах говорят исключительно в связи с глаголами, поскольку именно глаголам свойственна грамматикализация их мены. Однако неграмматикализованная мена диатезы бывает и у других классов слов. В [Богуславский 2008] на материале существительных, прилагательных и наречий приводятся разнообразные примеры неединственности диатезы, то есть ситуаций, когда одна и та же валентность заполняется выражениями, имеющими разные синтаксические позиции, или одна синтаксическая позиция обслуживает разные валентности. В порядке иллюстрации воспроизведем один пример из этой статьи. Наречие *тщетно* обозначает ситуацию, когда субъект (X) предпринимает некоторые действия (P) чтобы добиться цели (Q), но ее не добивается. Как показывают примеры (21а) и (21б), субъект X всегда выражается подлежащим подчиняющего глагола, в то время как сам подчиняющий глагол может играть разные роли в ситуации *тщетно*. Он может обозначать либо ту цель, к которой стремился субъект (в (21а) — стремился убедить, но не смог), либо те действия, которые он предпринимал для достижения цели (в (21б) — ходил под окнами, например, для того, чтобы увидеть ее в окне, но так и не увидел).

(21) а. *Он [X] тщетно убеждал [Q] ее смириться.*

б. *Он [X] тщетно часами ходил [P] под ее окнами.*

Таким образом, одна и та же синтаксическая позиция (позиция подчиняющего глагола) может соответствовать двум разным валентностям наречия *тщетно*.

1.3. Коммуникативный фактор в заполнении валентностей парциалов

Выше в разделе 1.2 мы говорили о том, что зависимая ИГ в родительном падеже может иметь при парциалах две различные функции — стандартную и нестандартную. Стандартная функция — это заполнение валентности целого, а нестандартная — валентности части. Покажем, что употребление ИГ_{род} в функции части связано некоторыми коммуникативными условиями. Рассмотрим примеры (22):

(22) а. *У него в аттестате больше половины троек* ('тройки [часть] составляют больше половины того, что находится в аттестате [целое]; (остальные оценки в аттестате — не тройки)').

б. *Больше половины троек он получил за невнимательность* (в значении 'больше половины всего количества троек [целое] получены за невнимательность; (остальные тройки поставлены по другой причине)').

Чаще всего ИГ в роли части находится в рематической позиции, ср. (22а). Во всяком случае, во всех тех примерах, которые нам удалось обнаружить в НКРЯ, дело обстоит именно так. Попытки сконструировать примеры, в которых она стояла бы в теме, приводят нас к выводу, что такая ИГ тяготеет к коммуникативной роли старого. Посмотрим на примеры:

(23) а. *Больше половины троек у Пети было только в первой четверти. Потом он стал учиться лучше* ('только в первой четверти тройки составляли больше половины оценок').

б. *10 % двоечников — это слишком много.*

Если группа *больше половины троек* осмысляется в (23а) в значении части, то, скорее всего, в предыдущем контексте уже шла речь о том, что у Пети больше половины троек. Это хорошо видно из сопоставления (23а) с (22б), в котором подобной отсылки к контексту нет. Аналогично предложение (23б), скорее всего, ссылается на предыдущее упоминание того, что в школе 10 % учеников получают двойки.

Связь валентностей парциалов с коммуникативной структурой предложения можно проследить также на материале адвербиальных выражений. Подробнее об адвербиальных парциалах мы будем говорить ниже. Здесь мы остановимся только на одном аспекте — на том, как коммуникативная структура предложения маркирует их валентности.

Мы рассмотрим три адвербиала — *большой частью*, *по большей части* и *в большинстве (своем)*, являющиеся адвербиальными дериватами от сочетания *большая часть* и существительного *большинство* соответственно. В основе их значения лежит представление о том, что некоторая сущность по некоторому признаку разделена на две неравные части — большую и меньшую.

Адвербиальные выражения представляют особую сложность в плане выражения валентностей, поскольку они мало способны к управлению. Поэтому заполнение валентности с помощью синтаксически зависимых выражений, свойственное парциальным существительным, в данном случае невозможно.

Прежде чем говорить о том, как выражаются валентности у этих адвербиалов, необходимо отметить, что они могут квантифицировать разные типы сущностей: объекты, ситуации, степень проявления признака, время и др. Нас будут интересовать только случаи

квантификации объектов — ‘большинство объектов Р делает Q (обладает свойством Q)’. Покажем, что заполнение валентностей Р и Q чувствительно к коммуникативной структуре предложения. Рассмотрим предложения (24).

(24) а. *Женщины по большей части (в большинстве своем, в основном) сидели в зале.*

б. *В зале сидели по большей части (в большинстве своем, в основном) женщины.*

В (24а) *женщины* образуют тему предложения, а в (24б) — рему. В соответствии с этим предложения различаются заполнением валентностей Р и Q: в (24а) ‘большая часть женщин [Р] сидела в зале [Q]’; в (24б) ‘большая часть сидящих в зале [Р] — женщины [Q]’.

Приведем еще несколько примеров. В (25) именная группа, находящаяся в тематической позиции, заполняет валентность Р, а в (26) она находится в реме и заполняет валентность Q. В этой группе примеров валентность Р заполняется материалом глагольной группы аналогично тому, как это происходило в предложениях (13б)—(17б) и (18)—(20) выше.

(25) а. *Стихи о Лесбии датируются по большей части 57—55 годами* (‘большая часть стихов о Лесбии датируется 57—55 годами’).

б. *В геометрических рукописях, в большинстве своем преследовавших также практические цели, содержалось изложение правил определения площадей фигур и объемов тел* (‘большинство геометрических рукописей преследовали также практические цели’).

в. *Каждая из встреч, которые происходили большей частью у нее дома, в квартире Корнея Ивановича на улице Горького, была для меня событием* (‘большая часть встреч происходила у нее дома’).

(26) а. *Цены на зарубежных рынках подогревает спрос из разных стран, тогда как на московские метры претендуют в большинстве своем лишь наши соотечественники* (‘большинство тех, кто претендует на московские метры, — наши соотечественники’).

б. *Изымались большей частью те слова, которые дети все равно как-то узнавали и с восторгом писали на заборах* (‘большая часть изымаемого — те слова, которые дети все равно узнавали’).

в. *Потребительское кредитование профинансировало по большей части импорт товаров и услуг* (‘большая часть того, что профинансировало потребительское кредитование, — это импорт товаров и услуг’).

2. Адвербиальные дериваты

Если парциальные существительные сами по себе обладают нетривиальными валентными свойствами, то в еще большей степени таких свойств можно ожидать от их адвербиальных дериватов. Адвербиальным дериватом слова L мы будем называть слово или словосочетание, имеющее значение, тождественное значению L или близкое к нему, но несущее адвербиальную синтаксическую функцию. Такие выражения в первую очередь используются в качестве модификаторов глаголов. Подробнее об адвербиальных дериватах см. [Богуславский 2008; Boguslavsky 2014].

В русском языке имеется три типа адвербиальных дериватов: А) грамматические дериваты (деепричастия): *радуюсь*; Б) лексико-синтаксические дериваты (предложные группы): *с радостью*; и В) лексические дериваты (наречия): *радостно*.

Деепричастия, как правило, сохраняют лексическое значение исходного глагола и его управляющие свойства (за исключением того, что они, как и другие неличные формы,

не могут присоединять субъект). Предложные группы и наречия часто содержат те или иные смысловые добавки, и их управляющие свойства значительно ослаблены, что существенно усложняет задачу обнаружения их актантов.

Начнем с семантических модификаций адвербиальных дериватов и продемонстрируем их на примере гнезда радости. Сравним сочетания *от радости*, *с радостью*, *на радостях*, *к радости*, *на радость*. Как это типично для всех эмоций, радость имеет двух обязательных участников — лицо А1, испытывающее эмоцию, и событие А2, которое ее вызвало: *Мы радуемся вашим успехам*; *Его переполняла радость от победы*. Предложные сочетания, перечисленные выше, прибавляют к этому базовому значению разнообразные нюансы. Сочетание *с радостью* означает сопутствование, часто вместе с манифестацией эмоции (*Они с радостью набрасывались на все журнальные новинки* ‘набрасываясь на новинки, испытывали радость, связанную с этим процессом; по тому, как они набрасывались на новинки, было видно, что они радуются’). *От радости* вводит идею о том, что радость субъекта А1, вызванная некоторым событием А2, привела к тому, что субъект совершил некоторое действие или находится в некотором состоянии А3 (*Она [А1] запрыгала [А3] от радости, что поездка состоится [А2]*). *На радостях* субъект А1 делает такое А2, которое он обычно не делает или которое не следует делать; он делает это потому, что он радуется некоторому событию А3 и считает, что тот факт, что А3 имеет место, является достаточным основанием, чтобы сделать А2 (*Алексей Тихонович [А1] на радостях немного выпил [А2] и уснул в своем сарайчике*). Если событие А2 произошло *к радости* человека А1, то это значит, что он обрадовался, узнав об этом. В то время как в случае *к радости* эмоция синхронна с вызвавшим ее событием, выражение *на радость* ориентировано в будущее и предполагает, что эмоция, возникнув, будет продолжаться относительно длительное время [Boguslavskaya, Boguslavsky 2015]. Это хорошо видно из сравнения предложений (27а) и (27б):

(27) а. *Поэт выпустил новую книгу к радости своих читателей.*

б. *Поэт выпустил новую книгу на радость своим читателям.*

В случае (27а) эмоция может быть вызвана самим фактом публикации: поэт выпустил новую книгу, и читатели обрадовались. Во всяком случае, в этом предложении ничего не сообщается относительно того, как долго эта эмоция будет продолжаться. Не так в предложении (27б). Это предложение скорее говорит о том, что читатели поэта будут радоваться новой книге в течение длительного времени. Эта проспективная ориентация свойственна не только сочетанию *на радость*, но и другим адвербиалам типа «*на* + название эмоции». Так, предложение (28) означает, что крепость была построена для того, чтобы побиться длительного страха у врагов, а не просто кратковременного испуга.

(28) *На высоком берегу реки князь построил крепость на страх врагам.*

Это подтверждается и тем, что адекватная глагольная перифраза должна использовать глагол в несовершенном виде, а не в совершенном: крепость была построена для того, чтобы враги боялись (а не для того, чтобы враги испугались).

Обратимся теперь к модификации управляющих свойств исходного предиката при адвербиальной деривации. Здесь имеется целый спектр возможностей. Подробно этот вопрос рассматривается в [Богуславский 2008]. Здесь мы ограничимся несколькими замечаниями и характерными примерами.

Самая простая ситуация — это наследование адвербиалом управления исходного предиката (*страх наказания — под страхом наказания, доказательство вины — в доказательство вины, благодарен за помощь — в благодарность за помощь*). Часто, однако, адвербиал утрачивает способность управлять тем или иным актантом (*запрет демонстраций — *под запретом демонстраций, (найти) предлог для отказа — *под предлогом для отказа, скорость велосипедиста — *со скоростью велосипеда*).

*диста*³). С другой стороны, адвербиальный дериват может управлять формой, которой исходный предикат управлять не способен (*под предлогом болезни — *предлог болезни*).

Некоторые валентности исходного предиката заполняются при адвербиальном деривате посредством подчиняющего глагола. Например, *надуманный предлог для отказа — отказался под надуманным предлогом*. При этом подчиняющий глагол далеко не всегда заполняет некоторую валентность исходного предиката. Так, выше упоминалось, что сочетание предлога *с* с существительным — обозначением эмоции выражает эмоциональное состояние, которое сопутствует выполнению некоторого действия. Для одних эмоциональных состояний это действие и является причиной эмоции (ср. *С наслаждением выкурил сигару — наслаждение от того, что выкурил сигару*), а для других причина эмоционального состояния не имеет к этому глаголу никакого отношения (ср. *С яростью ударил кулаком по столу — чем вызвана ярость, неизвестно*).

Особый интерес представляют ситуации, в которых актанта адвербиала маркирован не синтаксически, а коммуникативно. Примеры таких ситуаций мы приводили выше, ср. (24)—(26).

3. Парциальные адвербиалы в разных контекстах

В этом разделе мы рассмотрим парциальные адвербиалы (ПА), обращая особое внимание на то, от какого именно целого берется соответствующая часть. Сначала мы остановимся на двух основных типах контекстов, в которых выступают ПА, — на контексте предельных предикатов (раздел 3.1) и контексте сравнения (раздел 3.2). Затем мы обсудим некоторые интересные особенности поведения парциальных адвербиалов на примере наречия *наполовину* (раздел 3.3).

3.1. Парциальные адвербиалы в контексте предельных предикатов

Как известно, предельные предикаты в совершенном виде обозначают достижение предельной точки на некоторой шкале:

(29) а. *Задача решена.*

б. *Ты меня убедил.*

в. *План выполнен.*

Смысловой компонент ‘предел достигнут’ имеет статус слабого, поскольку он подавляется при введении в предложение ПА или наречия степени:

(30) а. *Задача наполовину решена.*

б. *Ты убедил меня на 95 %.*

в. *План выполнен на 5 %.*

В этих предложениях то целое, от которого отсчитывается часть, — это предел соответствующей ситуации. Предложение (30а) утверждает, что степень, в которой реализована ситуация «задача решена», составляет половину от той степени, которая будет достигнута, когда решение задачи дойдет до логического предела. Аналогично, в (30б) речь идет о 95 %-ном достижении предела — полной убежденности, а в (30в) — о пятипроцентном выполнении плана. Такие конструкции можно истолковать следующим образом:

³ Фразы типа *Автомобиль ехал со скоростью велосипедиста* не являются контрпримером к этому запрету, поскольку мы утверждаем, что к сочетанию *со скоростью* нельзя присоединить обозначение объекта, движущегося с этой скоростью. В приведенной выше фразе таким объектом является автомобиль. Что касается велосипедиста, то он выполняет здесь роль сравнения: *со скоростью велосипедиста* — со скоростью, равной той скорости, с которой движется велосипедист.

- (31) *Р имеет место на N-ю часть* = ‘степень, в которой имеет место ситуация Р, составляет N-ю часть от предельной степени Р’.

К этой же группе относятся адвербиалы степени, такие как *полностью, целиком, совсем, совершенно, абсолютно; частично, отчасти, несколько*.

- (32) а. *Р имеет место полностью* = ‘степень, в которой имеет место ситуация Р, такова, что она не может быть больше’.

б. *Проект полностью завершен*.

- (33) а. *Р имеет место частично* = ‘степень, в которой имеет место ситуация Р, такова, что она может быть больше’.

б. *Я частично с вами согласен*.

Адвербиалы частичного достижения предела *частично* и *отчасти* интересны тем, что они способны к разной фокусировке значения: в ударной (ремагической) и безударной позиции акцентируются разные компоненты их значения. Представим значение (31) как совокупность двух пропозиций: (А) ‘ситуация Р имеет место в некоторой степени’, (Б) ‘эта степень такова, что она может быть больше’. Если адвербиал стоит под ударением и образует рему предложения, то в фокус попадает компонент (Б); если же адвербиал безударен и находится вне ремы, то акцентируется компонент (А):

- (34) *Дом построен (лишь) частично. Жить там еще нельзя*.

- (35) *Дом частично построен. Можно туда уже кое-что перевезти*.

Аналогичным свойством обладают и некоторые другие наречия низкой степени: *немного, слегка* и *чуть-чуть* [Булыгина, Шмелев 1997; В. Апресян 2004: 648].

Контекст предельных предикатов допускает два типа интерпретации ПА — квантификацию степени проявления признака и квантификацию объекта. Если большая или меньшая степень реализации ситуации определяется тем, какое количество объекта охвачено ситуацией, то перед нами квантификация объекта. Например, в ситуации расходования денег степень приближения к пределу возрастает по мере увеличения количества израсходованных денег. Поэтому предложения (а) и (б) в парах (36) и (37) обозначают одно и то же:

- (36) а. *Деньги наполовину потрачены*.

б. *Потрачена половина денег*.

- (37) а. *Вода наполовину выкипела*.

б. *Выкипела половина воды*.

Другое дело — процесс разгадывания загадки. Он не складывается из последовательного разгадывания разных частей загадки. (38а) не то же самое, что (38б).

- (38) а. *Разгадано ползагадки*.

б. *Загадка наполовину разгадана*.

(38а) можно употребить, только если загадка естественно делится на части. В (38б) мы не можем сказать, что разгадана половина загадки, поскольку процесс разгадывания не сводится к последовательному охвату действием все большей части загадки. Здесь квантифицируется не объект, а полнота реализации ситуации.

Противопоставление квантификации объекта и квантификации ситуации не всегда однозначно определяется самой ситуацией. Нередко все зависит от того, как мы ее мыслим.

Некоторые ситуации допускают как тот, так и другой взгляд. Например, предложение (39) можно интерпретировать обоими способами: Ивану принадлежит полдома (квантификация объекта) или Иван обладает половиной прав на весь дом.

(39) *Дом наполовину принадлежит Ивану.*

Разные адвербиалы в разной степени тяготеют к квантификации объекта или признака. Так, слова ряда *совершенно, абсолютно, совсем* квантифицируют признак, но не объект, в то время как *полностью* и *целиком* могут выполнять обе функции [Григорьева 2004: 785, 1072]. Ср.: квантификация признака (40) и квантификация объекта (41)⁴.

(40) а. *Уже полностью рассвело.*

б. *Лекарство совершенно безвредно.*

(41) а. *Полк полностью (целиком) перешел на сторону противника* (в значении ‘весь полк’).

б. **Правительство совершенно ушло в отставку* (в значении ‘все правительство’).

В примерах, рассмотренных выше, значение предельности выражалось аспектуальной формой глагола. Ср. *План был выполнен* (предел достигнут) — *План выполняется* (предел еще не достигнут). Как было показано, этот компонент имеет статус слабого и может подавляться парциальными адвербиалами (ПА).

Существуют и такие глаголы, у которых близкий смысл входит в лексическое, а не аспектуальное значение. Однако и в этом случае ПА способны его подавлять. Рассмотрим глагол *состоять (из)*, имеющий валентности на часть и целое. В отличие от *содержать*, этот глагол подразумевает, что целое не содержит других частей, кроме указанных. Ср. характерный пример:

(42) *Неточность можно отнести к небрежной редакции: кость не состоит из красного и желтого мозга, а содержит эти образования.*

В примере (43) стилистический эффект возникает именно за счет нарушения требования исчерпанности списка:

(43) *Лицо его состоит из темных, со слепым бликом, очков в роговой оправе и шелковистой бородавки на щеке* (В. Набоков, Занятой человек).

Прежде всего, следует отметить, что у глагола *состоять* имеется два типа употреблений — количественно-определенные и количественно-неопределенные. Употребления первого типа иллюстрируются примерами (44а-б):

(44) а. *Команда состоит из капитана, помощника, механика и матроса.*

б. *Мой завтрак состоял из стакана чая и бутерброда с сыром.*

Такие употребления не допускают парциальных и любых других адвербиалов степени:

(45) **Мой завтрак наполовину состоял из стакана чая и бутерброда с сыром.*

⁴ Обратим внимание на то, что этим двум типам квантификации соответствуют разные актантные структуры. При квантификации признака адвербиал одноместный, а при квантификации объекта — двухместный. Так, толкование, предлагаемое в [Григорьева 2004: 785] (*Х полностью <целиком> Р* = ‘не существует такой части Х-а, которая не Р’), применимо только к случаю квантификации объекта. Для примера (41а) это толкование дает значение ‘не существует такой части полка, которая не перешла бы на сторону противника’. В случае квантификации признака оно очевидным образом неприменимо, поскольку отсутствует объект, части которого квантифицируются. См. примеры (40).

Количественно-неопределенные употребления представлены в предложениях типа (46а—в):

- (46) а. *Комиссия состоит из жуликов* ('какого-то количества жуликов').
 б. *Вода состоит из водорода и кислорода* ('какого-то количества водорода и какого-то количества кислорода').
 в. *Весь свет состоит из негодяев и только негодяев* (Саша Соколов, Школа для дураков).

Несмотря на то, что глагол *состоять* требует исчерпывающего перечисления частей, количественно-неопределенные контексты легко сочетаются с парциальными и степенными адverbиалами, которые вытесняют компонент полноты перечисления:

- (47) а. *Комиссия наполовину состоит из жуликов*.
 б. *Огурец на 93 % состоит из воды*.
 в. *Но если общество целиком состоит из одних конформистов, оно обречено на застой* (Б. Немцов, Провинциал).
 г. *Берег ее довольно высок, обрывист, он в большой степени состоит из песка* (Саша Соколов, Школа для дураков).
 д. *Сообщество это в значительной мере состоит из людей с образованием, из людей, бывших когда-то в хорошем и престижном общественном употреблении*.

Однако значение парциального адverbиала не должно противоречить идее полноты слишком сильно. Нельзя сказать (48а); для того чтобы описать эту ситуацию, надо использовать глагол, лишенный импликации полноты (48б). Указанное ограничение не препятствует тому, чтобы адverbиал со значением небольшой части принимал участие в полном перечислении частей (48в).

- (48) а. *Настойка на 2 % состоит из спирта*.
 б. *Настойка содержит 2 % спирта*.
 в. *Настойка на 2 % состоит из спирта и на 98 % из воды*.

3.2. Парциальные адverbиалы в контексте сравнения

В этом разделе нас интересуют предложения типа (49а—д).

- (49) а. *Мы на четверть увеличили расходы на отопление*.
 б. *За два месяца уровень доверия правительству упал втрое*.
 в. *Ваши ресницы станут гуще на 60 %* (из рекламы).
 г. *Сроки давности по таким преступлениям сокращаются наполовину*.
 д. *Оказалось, что объем вещи от этого сразу сократился на пятую часть: вместо каждых десяти стихов — восемь* (М. Гаспаров, Записи и выписки).

Все эти предложения характеризуют разницу между двумя величинами, причем эта разница представлена в виде части одной из сравниваемых величин. Здесь существенно понять, от чего именно берется часть? Если в предыдущем разделе в качестве целого выступала предельная степень ситуации, которую характеризует парциал, то здесь это не так. У ситуации *увеличивать* в предложении (49а) нет предельной степени, и четверть берется не от степени этой ситуации, а от начального уровня расходов. Следовательно, задача интерпретации парциала здесь выглядит иначе.

В этом классе предложений имеется два значения одного и того же параметра, и одно из них характеризуется через другое. ПА представляет значение параметра как некоторую часть от другого значения этого параметра, которое служит исходной точкой для сравнения. Так, в (49а) сравниваются расходы на отопление в разные моменты времени, и одна из этих величин вычисляется на основе второй.

На некотором шаге семантического разложения предикатов, сочетающихся с ПА, (*превосходить*, *расти*, *увеличивать(ся)*, *полнеть*, *расширять(ся)*, *шире*, *тяжелее*, ... , *уменьшать(ся)*, *падать*, *сокращать(ся)*, *худеть*...) всегда появляются значения 'больше' или 'меньше'. Поэтому надо, прежде всего, проанализировать сочетания ПА с этими двумя значениями. В разделе 3.2.1 мы обсудим семантическое соотношение между значениями 'больше' и 'меньше' и их актантную структуру, а в разделе 3.2.2 мы покажем, как эти значения соединяются со значениями ПА.

3.2.1. Актантная структура «больше» и «меньше»

Мы остановимся на трех темах:

- соотношение 'больше' и 'меньше';
- соотношение *больше* и *большой*;
- актантный статус выражений со значением 'на сколько больше / меньше'.

3.2.1.1. Соотношение 'больше' и 'меньше'

Как известно, в языке математики отношения 'больше' (>) и 'меньше' (<) строго симметричны и обозначают одну и ту же ситуацию. Утверждение «пять больше трех» совершенно эквивалентно утверждению «три меньше пяти». В естественном языке не так. Слова *больше* и *меньше* используются в первую очередь в контексте сравнения, а сравнение принципиально **асимметрично**. В (50а) арбуз составляет тему нашего сообщения, и мы хотим сообщить нечто о его весе. А именно, мы характеризуем его через вес дыни. Если мы переформулируем это предложение с помощью слова *меньше* (50б), то количественное соотношение между арбузом и дыней останется неизменным, но их роль в соотношении «характеризуемый объект — точка отсчета» изменится.

(50) а. *Арбуз весит на 3 кг больше, чем дыня.*

б. *Дыня весит на 3 кг меньше, чем арбуз.*

Теперь дыня становится характеризуемым объектом, и ее вес будет описываться через вес арбуза. Точкой отсчета при сравнении всегда служит второй элемент сравнения — тот, с которым сравнивается первый элемент.

Значение 'больше' обычно признается семантическим примитивом, и в его составе нельзя выделить более простых компонентов. Оно входит в список семантических примитивов А. Вежицкой [Goddard, Wierzbicka 2014]. Не противоречит ли это тому, что, как мы только что видели, в словах *больше* и *меньше* помимо общего есть и различное? Нет, совсем не противоречит. Слова *больше* и *меньше* описывают одно и то же отношение, и оно семантически элементарно, но различаются перспективой. Это классический пример конверсивов (к этой теме мы еще вернемся несколько ниже, в разделе 3.2.1.3). Одновременно они являются антонимами, поскольку обозначают интуитивно противоположные понятия. Различия между ними лежат в сфере коммуникативной организации высказывания. Их можно эксплицировать с помощью перифраз:

(51) а. *Вес арбуза больше веса дыни* = 'вес арбуза есть вес дыни, к которому прибавлена некоторая величина'.

б. *Вес дыни меньше веса арбуза* = 'вес дыни есть вес арбуза, из которого вычтена некоторая величина'.

3.2.1.2. Больше vs. большой

Со времени знаменитой работы Э. Сэпира [Sapir 1944] значение качественных прилагательных и наречий толкуется через понятие нормы: *большой* = 'больше нормы', *высокий* = 'выше нормы', *далекий* = 'дальше нормы' [Ю. Апресян 1974/1995: 74]. Здесь возникает следующий вопрос. Как бы ни трактовать понятие нормы (как обычная, частая, средняя, ожидаемая и т. п. величина), в значение всех этих прилагательных и наречий входит компонент 'больше', а он хорошо сочетается со значением 'на сколько': *больше на 3 килограмма (на 3 метра, на 3 человека, на 3 часа)*. Почему само слово *большой*, в значение которого тоже входит 'больше', не сочетается с формами со значением 'на сколько'? Иначе говоря, как бы ни понимать норму — почему значение 'на 3 метра больше нормы' нельзя выразить с помощью слова *большой*? Почему нельзя сказать **на 3 метра большой*?

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Можно возразить, что это не совсем так. Одно из значений типа 'на сколько', а именно значение 'намного', при слове *большой* все-таки выразить можно: 'намного больше нормы' = *очень большой*. Однако это очень изолированный случай. Уже сочетание *не очень* трудно трактовать аналогичным образом, то есть как 'ненамного'. Сочетание «*не очень* + прилагательное / наречие», скорее, обозначает участок шкалы ненамного меньше нормы, чем ненамного больше. Предложение *Девушка не очень красива* естественно воспринимать как смягченную констатацию того, что девушка, скорее, некрасива, а не как утверждение о том, что ее красота ненамного превосходит норму. Таким образом, несочетаемость качественных прилагательных и наречий в положительной степени с выражениями, обозначающими величину превышения нормы, в любом случае требует объяснения.

Объяснение этого явления, по-видимому, можно видеть в том, что понятие нормы, к которому апеллируют прилагательные и наречия, в принципе неопределенно и невыразимо в количественных терминах. Поэтому оно не может участвовать в точных количественных выражениях. В частности, отсюда понятно, почему неточное значение 'намного больше нормы' при таких словах выразимо (*очень большой*), а значения типа 'на 3 метра больше нормы' или 'вдвое больше нормы' — нет. В этой связи вспоминается старая история об экскурсоводе в палеонтологическом музее, который сказал своим слушателям, что экспонируемый скелет динозавра имеет возраст сто миллионов шесть с половиной лет. На вопрос о том, откуда это известно с такой точностью, он ответил: «Когда я поступил на работу в музей, мне сказали, что этому динозавру сто миллионов лет. И уже шесть с половиной лет, как я здесь работаю».

3.2.1.3. Актантный статус «на сколько больше / меньше»

Какова актантная структура *больше* и *меньше*? Ответ на этот вопрос не вполне очевиден. Если в математике операторы 'больше' (>) и 'меньше' (<) строго двухместны, то в лингвистике существует традиция описывать эти смыслы как трехместные предикаты с валентностями «что больше / меньше?», «больше / меньше чего?» и «на сколько больше / меньше?»; ср., например, [Ю. Апресян 1974/1995: 123]. Главным аргументом в пользу трехместного описания можно считать его интуитивную самоочевидность. В самом деле, если вес арбуза больше веса дыни, то само собой разумеется, что существует и величина, характеризующая это различие. Тем не менее у этого описания есть и несколько слабых сторон.

Отметим, прежде всего, что выражения, характеризующие разницу между меньшей и большей величиной, могут быть одного из трех типов:

- (А) аддитивные выражения, для интерпретации которых необходима операция сложения или вычитания; например, *больше (меньше) на 3 килограмма*;

- (Б) мультипликативные выражения, апеллирующие к операциям умножения или деления, например, *в 5 раз больше (меньше)*;
- (В) выражения, промежуточные между (А) и (Б), требующие для своей интерпретации как сложения / вычитания, так и умножения / деления, например, *больше (меньше) на 50 % <наполовину, на четверть, на две трети>*. Так, выражение *весит на четверть больше* предполагает деление исходного веса на 4 и прибавление к нему результата этого деления.

Очевидно, что с точки зрения актантного статуса все три варианта (А)—(В) однотипны и должны трактоваться единообразно. Если считать их актантами слов *больше / меньше*, то они должны соответствовать одной и той же валентности. Представление об актантном статусе этих выражений ослабляется следующими соображениями.

Во-первых, то обстоятельство, что ситуация ‘больше’ / ‘меньше’ всегда предполагает наличие интервала, отделяющего меньший элемент от большего, само по себе не является слишком сильным аргументом в пользу признания этого интервала валентностью ‘больше’ / ‘меньше’. Скажем, любое движение характеризуется некоторой скоростью, но это не значит, что у всех глаголов движения надо усматривать валентность на величину скорости. Выражения типа *со скоростью 100 км/час* всегда признаются сирконстантами.

Во-вторых, количественно характеризовать величину интервала, задаваемого смыслами ‘больше’ / ‘меньше’, не всегда осмысленно. Многие слова включают в свое значение компонент ‘больше’ или ‘меньше’: *Маша красивее (умнее, добрее) Даши; Маша поумнела (похорошела, подобрела)*. Эти предложения означают, что степень красоты (ума, доброты) Маши больше, чем степень этих же свойств у Даши или чем она, эта степень, была раньше. Тем не менее значение ‘на сколько больше’ не только не выразимо в этих предложениях никакой количественной группой, но и вряд ли мыслится говорящим.

В-третьих, если и считать величину интервала валентностью ‘больше’ / ‘меньше’ и большого числа предикатов, производных от этого значения (*увеличивать(ся), уменьшать(ся), расти, сокращать(ся), толстеть, худеть* и мн. др.), то необходимо признать, что эта валентность в некотором смысле не является самостоятельной. В самом деле, начальная и конечная точки, безусловно, являются необходимыми участниками ситуаций *увеличиваться (уменьшаться)*. Что значит, что некоторый параметр Р увеличился? Это значит, в некоторый момент параметр Р характеризовался величиной Т1, а в некоторый более поздний момент — величиной Т2, и Т2 больше, чем Т1. Без упоминания Т1 и Т2 невозможно истолковать значение увеличения. При этом участник «на сколько» не является самостоятельным, отдельным участником ситуации. Он произведен от этих двух или, если угодно, объединяет их в себе. Если начальная и конечная точка известны, то величину, определяющую, насколько они отличаются одна от другой, можно по ним вычислить.

Нечто похожее можно видеть у симметричных предикатов. В предложении (52а) существительные *Петя и Коля*, безусловно, соответствуют разным валентностям глагола. А какой валентный статус у существительного *мальчики* или у сочиненной группы *Петя и Коля* в предложении (52б)?

(52) а. *Петя дружит с Колей.*

б. *Мальчики <Петя и Коля> дружат.*

В нем объединены две валентности, заполненные в предыдущем предложении словами *Петя и Коля*. В этом смысле выражения *мальчики <Петя и Коля>* в (52б) похожи на *на 3 кг в больше на 3 кг*: в обоих случаях мы имеем дело с формой, производной от двух валентностей. Тем не менее в случае (52б) никогда не говорят, что выражения *мальчики <Петя и Коля>* реализуют отдельную валентность глагола *дружить*, отличную от валентностей, заполненных в (52а).

В-четвертых, имеется еще одно обстоятельство, противоречащее актантному статусу групп «на сколько больше / меньше?». Слова *больше* и *меньше* — классические примеры

конверсивов. Как известно, конституирующим свойством конверсии является то обстоятельство, что конверсивы имеют различные синтаксические статусы актантов и при этом обозначают одну и ту же ситуацию. Беда в том, что в случае *больше / меньше* это не вполне справедливо и именно благодаря группам, характеризующим различие между меньшей и большей величиной.

Проблема заключается в том, что если для обозначения этого различия используются выражения типа (В) (см. выше), предложения с *больше* и *меньше* имеют ощутимо разные значения. Предложения (53а—б) с выражением типа (А) обозначают одну и ту же ситуацию, а предложения (54а—б), в которых использовано выражение типа (В), — существенно разные ситуации.

(53) а. *Арбуз весил на 3 килограмма больше, чем дыня* = ‘вес арбуза был равен весу дыни **плюс 3 килограмма**’.

б. *Дыня весила на 3 килограмма меньше, чем арбуз* = ‘вес дыни был равен весу арбуза **минус 3 килограмма**’.

(54) а. *Арбуз весил на 50 % больше <был на 50 % тяжелее>, чем дыня* [например, арбуз весил 6 килограммов, а дыня — 4 килограмма].

б. *Дыня весила на 50 % меньше <была на 50 % легче>, чем арбуз* [например, арбуз весил 6 килограммов, а дыня — 3 килограмма].

Различие между (54а) и (54б) обусловлено тем, что проценты берутся от разных величин: в (54а) вес арбуза равен весу дыни **плюс 50 % веса дыни**, в то время как в (54б) вес дыни определяется как вес арбуза **минус 50 % веса арбуза**.

Если исходить из того, что выражения со значением «на сколько» являются актантами слов *больше* и *меньше*, оказывается, что пара (54а—б) очевидным образом противоречит представлению о том, что *больше* и *меньше* являются чистыми конверсивами. Если два слова являются чистыми конверсивами, они обозначают одну и ту же ситуацию. Если у них одни и те же валентности заполнены одним и тем же образом, то естественно считать, что они не могут описывать денотативно разные ситуации. Различия между ними могут касаться лишь перспективы, с которой ситуация рассматривается.

Разрешить это противоречие можно одним из двух способов. Во-первых, можно, оставаясь в рамках актантного описания выражений «на сколько», постулировать специальное правило, трактующее выражения типа (В) как исключения, что эквивалентно тому, чтобы вывести пару *больше / меньше* из числа чистых конверсивов. Во-вторых, можно лишить выражения «на сколько» статуса актантов и описывать их как сирконстанты, имеющие собственные толкования.

Достоинством первого решения является сохранение традиционного взгляда на слова *больше / меньше* как трехвалентные, хотя и достигаемое ценой введения исключения для случаев типа (В) и размывания конверсивного статуса пары *больше / меньше*. Преимущество второго решения состоит в сохранении чистой конверсивности пары *больше / меньше* и общей трактовке всего класса выражений (А)—(В). Мы отдаем предпочтение второму подходу. Хотя ни одно из высказанных выше соображений в пользу ослабления актантного статуса выражений (А)—(В) не является само по себе решающим, тем не менее представляется, что в своей совокупности они выглядят более убедительно. В следующем разделе будут предложены правила интерпретации этих выражений в зависимости от контекста.

3.2.2. Значение адвербиалов типа *на 3 килограмма, в 3 раза и на 3 %*

Как отмечалось выше, адвербиальные выражения типа *на 3 килограмма, в 3 раза и на 3 %* выполняют одну и ту же роль относительно значений ‘больше’ и ‘меньше’ — характеризуют количественную разницу между двумя величинами — и требуют единообразного описания. С другой стороны, семантический вклад этих выражений варьируется в зависимости

от контекста. Поэтому их описание состоит из двух частей: (а) семантический контекст, задаваемый релевантным компонентом предиката Р, к которому адвербиал синтаксически относится ('больше', 'меньше', 'отличаться'); (б) семантический вклад адвербиала в данном контексте. Эти описания приводятся ниже. Каждое описание сопровождается примером в квадратных скобках. Для наглядности сначала приведем значения глаголов, использованных в примерах:

- (55) а. *Цена выросла* = 'в момент t1 цена равнялась v1; в более поздний момент t2 цена равняется v2; v2 больше, чем v1'.
 б. *Цена упала* = 'в момент t1 цена равнялась v1; в более поздний момент t2 цена равняется v2; v2 меньше, чем v1'.
 в. *Цена изменилась* = 'в момент t1 цена равнялась v1; в более поздний момент t2 цена равняется v2; v2 отличается от v1'.

Теперь дадим двухчастные описания адвербиалов:

Р на N [Цена выросла (Р) на 100 рублей (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 больше, чем v1'.
 (б) Сложение: 'v2 = v1 + N'.

Р на N [Цена упала (Р) на 100 рублей (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 меньше, чем v1'.
 (б) Вычитание: 'v2 = v1 - N'.

Р на N [Цена изменилась (Р) на 100 рублей (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 отличается от v1'.
 (б) Вычитание или сложение: 'v2 = v1 - N или v2 = v1 + N'.

Р в N раз [Цена выросла (Р) в 3 раза (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 больше, чем v1'.
 (б) Умножение: 'v2 = v1 * N'.

Р в N раз [Цена упала (Р) в 5 раз (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 меньше, чем v1'.
 (б) Деление: 'v2 = v1 / N'.

Р в N раз [Цена изменилась (Р) в 5 раз (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 отличается от v1'.
 (б) Деление или умножение: 'v2 = v1 / N или v2 = v1 * N'.

Р на часть N [Цена выросла (Р) на 30 % (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 больше, чем v1'.
 (б) Умножение и сложение: 'v2 = v1 + v1 * N'.

Р на часть N [Цена упала (Р) на 30 % (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 меньше, чем v1'.
 (б) Умножение и вычитание: 'v2 = v1 - v1 * N'.

Р на часть N [Цена изменилась (Р) на 30 % (N)].

- (а) Р содержит компонент 'v2 отличается от v1'.
 (б) Сложение или вычитание и умножение: 'v2 = v1 + v1 * N или v2 = v1 - v1 * N'.

Как мы видим, одни и те же выражения осмысляются по-разному в зависимости от того, является ли контекст, в котором они находятся, **увеличивающим** или **уменьшающим**. Это приводит к таким, на первый взгляд, парадоксальным ситуациям, что в уменьшающих контекстах выражения *наполовину* и *на 50 %* синонимичны наречию *вдвое*, а в увеличивающих — сочетанию *в полтора раза*:

(56) а. *Доходы упали наполовину <на 50 %> = вдвое.*

б. *Доходы возросли наполовину <на 50 %> = в полтора раза.*

Впрочем, это соотношение является не лингвистическим, а арифметическим фактом: вычитание половины равносильно делению на 2, а прибавление половины — умножению на 1,5. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с тем известным обстоятельством, что лингвистическая компетенция тесно связана с фоновыми знаниями о мире. Как видим, для правильного выбора слов говорящие в ряде случаев должны иметь определенные математические знания. Как ни странно, даже безупречные носители русского языка иногда испытывают затруднения в правильном употреблении выражений типа *наполовину*, *на треть* и т. п. в увеличивающих и уменьшающих контекстах. Вот, например, отрывок из статьи одного известного филолога: *До сих пор считалось, что в языке есть только два выражения, которые полностью обозначают сами себя. Это слово «слово» и предложение «Это — предложение». Все другие слова не обозначают самого слова, и все другие предложения не обозначают самого предложения. Теперь этот кратчайший список самозначащих (автореферентных) языковых образований можно **увеличить сразу на треть*** (выделено мной. — И. Б.), *прибавив к нему однословие «однословие» («Однословие как литературный жанр», «Континент», № 104, 2000).* Конечно, справедливо, что новый элемент списка составляет его треть, поскольку список теперь состоит из трех элементов. Однако старый список все же увеличился не на треть, а наполовину.

Подведем итог сказанному выше в разделе 3. В разделах 3.1 и 3.2 мы рассмотрели два типа контекстов, в которых выступают ПА — контексты предельных предикатов (контексты типа 1) и контексты сравнения (контексты типа 2). Мы видели, что эти контексты допускают не вполне тождественные наборы ПА. Это не случайно и обусловлено семантикой как контекстов, так и самих ПА.

Контексты типа 1 принимают ПА, обозначающие часть предельно допустимой величины (в том числе совпадающую с самой этой величиной): *(согласен) полностью, совсем, совершенно, частично, на 95 %, наполовину*, но не: **вдвое, *в 10 раз*. Контексты типа 2 сочетаются с ПА, которые характеризуют величину разницы между некоторой исходной и результирующей величиной, причем эта разница характеризуется через исходную величину: *(больше) вдвое, на треть, в 10 раз, на 95 %, наполовину*, но не: **частично, *полностью, *совершенно*. Поэтому естественно, что в контекстах типа 1 невозможны такие ПА, как *вдвое* или *в 10 раз*: они не обозначают части предельной величины. А в контекстах типа 2 невозможны такие ПА, как *полностью* или *частично*: они не характеризуют одну величину через другую. Любопытно, что существуют ПА, которые допустимы в обоих контекстах, ср.: *Дом построен на 95 % (наполовину) и Показатели выросли на 95 % (наполовину)*. Поскольку выражения *95 %* или *половина* обозначают только часть некоторой величины, они допустимы в контекстах типа 1, а поскольку разница между двумя величинами может выражаться как некоторая часть одной из них, то они допустимы и в контекстах типа 2. Неудивительно, что если количество процентов превышает 100, то такой адвербиал возможен только в контекстах типа 2. Фраза *Показатели выросли на 250 %* совершенно нормальна, а *Дом построен на 250 %* допустимо разве что в качестве языковой игры.

3.3. Парциальные адвербиалы и сложение значений

3.3.1. *Наполовину и разбавлять*

Любопытную ситуацию демонстрируют глаголы *разбавлять* и *разводить*. Обсудим ее на примере первого из них. Когда мудрые греки разбавляли вино водой, они брали вино и вливали в него некоторое (довольно большое) количество воды. Тем самым разбавление выглядит как действие увеличивающего типа, поскольку оно состоит в добавлении чего-то.

Между тем по своему поведению *разбавлять* — это глагол уменьшения (в вышеуказанном смысле). В самом деле, возьмем рекомендацию (57). Что она значит? Сколько воды надо добавить — столько же, сколько было вина, или половину этого количества? Очевидно, правилен первый вариант. Следует приготовить смесь, половину которой составляет вино, а половину — вода. Первоначальное количество жидкости должно быть удвоено. В этом контексте *наполовину* можно заменить на *вдвое* (58).

(57) *Разбавьте вино водой наполовину.*

(58) *Вдвое разбавьте вино водой.*

Сочетание *вдвое разбавить* звучит, пожалуй, несколько хуже, чем *наполовину разбавить*, и в НКРЯ оно представлено заметно меньшим количеством примеров (хотя они есть, ср.: *Фетровые шляпы можно чистить вдвое разбавленным нашатырным спиртом*). Тем не менее семантически эти сочетания эквивалентны.

Возникает несколько парадоксальная ситуация. Как мы видели выше, если что-то *наполовину увеличивается*, то исходную величину надо умножить на 1,5. Если же происходит *уменьшение наполовину*, то исходное количество делится на 2. В случае же разбавления исходное количество вещества *увеличивается*, но почему-то не в полтора раза, а вдвое. Чем это объяснить?

Как это нередко бывает, если слово ведет себя не так, как мы ожидаем, следует внимательнее взглянуть на его значение. В действительности значение *разбавлять* содержит в центральной позиции именно уменьшительное значение. *Разбавить вино водой* означает *уменьшить крепость вина посредством смешивания его с водой*. Следовательно, *разбавить вино водой наполовину* означает ‘наполовину уменьшить крепость вина, смешав его с некоторым количеством воды’. Итак, значение глагола *разбавить* содержит две предикации — главную (‘уменьшить концентрацию Y-a’) и второстепенную (‘смешать Y с Z’), и адвербиалы типа *наполовину, вдвое, на (сколько-то) процентов* закономерным образом воздействуют на первую из них. Мы вернемся к этому выводу еще в следующем разделе.

3.3.2. *Наполовину и пополам*

Контекст глаголов *разбавлять* и *разводить* интересен еще в одном отношении. В этом контексте наречие *наполовину* оказывается взаимозаменяемым с наречием *пополам*, о котором мы еще не говорили. Хотя это последнее также отсылает к идее ‘половина’, в других контекстах оно отнюдь не взаимозаменяемо с *наполовину*. Ср. примеры (59) с глаголами *разбавлять / разводить*, в которых допустимы оба наречия, примеры (60), в которых возможно *наполовину*, но не *пополам*, и примеры (61), в которых можно употребить только *пополам*, но не *наполовину*.

- (59) а. *Название «водка» произошло от слова «вода», поскольку в процессе приготовления получаемый в русских монастырях напиток крепостью порядка 14-18°, точно так же, как вино, разбавлялся пополам водой (= наполовину).*
- б. *Откуда у меня водка? Я спирт достаю, разбавляю пополам. Если надо полицейского угостить, взятку дать, то говорю: вот русская водка (К. Симонов) (= наполовину).*
- в. *Между тем казенный ром, которым ведал я, разводился пополам с водой и соответствовал крепостью русской водке (А. С. Новиков-Прибой) (= наполовину).*
- г. *А для очень жирного мяса можно разбавить уксус пополам с водой (= наполовину).*
- д. *Затем настой нужно процедить и разбавить пополам с водой (= наполовину).*

- (60) а. *Из сока убрать специи и кипятить, пока жидкость не убавится наполовину (*наполам).*
 б. *В сосуде с водой плавает шар, наполовину (*наполам) погружившись в воду.*
- (61) а. *Служебный кабинет отца был перегорожен наполам (*наполовину) ситцевой занавеской.*
 б. *Во избежание растрескивания при просушке глину следует смешать наполам (*наполовину) с песком.*
 в. *Дутиков согласился поделить деньги наполам (*наполовину).*
 г. *Мы с братом построили дом наполам (\neq наполовину)⁵.*

Как можно объяснить эти факты? Коротко говоря, синонимия предложений (59) с наречиями *наполовину* и *наполам* обусловлена тем, что эти наречия, не будучи синонимичными, воздействуют на разные компоненты значения глаголов *разбавлять* / *разводить*.

Начнем с того, что наречие *наполам* во многих случаях взаимозаменяемо с выражениями (62):

- (62) *в соотношении (пропорции) 1:1, в одинаковой (равной) пропорции, в равном соотношении.*

Приведем несколько примеров, которые это иллюстрируют:

- (63) а. *В случае успеха выручка делится наполам (=в пропорции 1:1).*
 б. *Половину горшка заполните обычной дерновой землей, а другую половину — торфом, смешанным наполам с речным песком (=смешанным с речным песком в пропорции 1:1).*
 в. *Манная каша наполам с малиновым вареньем (= манная каша и малиновое варенье в равной пропорции).*
 г. *Обязательный взнос в единый государственный пенсионный страховой фонд составляет 19 % от ежемесячной зарплаты и выплачивается наполам работодателем и работником (= выплачивается работодателем и работником в соотношении 1:1).*
 д. *Можно брать наполам сахар и мед или добавлять в сахар небольшое количество патоки для предохранения варенья от засахаривания (=брать сахар и мед в соотношении 1:1).*

Как выражения (62), так и наречие *наполам* описывают одну и ту же ситуацию, хотя фиксируют разные ее аспекты. Выражения (62) сообщают о том, что некоторые сущности A1 и A2, выступающие в данной ситуации в одной и той же роли, представлены в одинаковых количествах. Наречие *наполам* фиксирует внимание на том, что каждая из этих сущностей составляет половину их общего количества. Понятно, что это два разных способа сказать одно и то же.

Выражения (62), естественно, представляют собой частный случай употребления выражений *в пропорции (соотношении)*. Последние употребляются и тогда, когда соотношение между величинами отлично от 1:1, а также, когда этих величин больше двух, например:

- (64) *Соотношение тоннажа линкоров и авианосцев, находившихся на вооружении США, Англии, Франции, Италии и Японии, было зафиксировано в пропорции 5:5:3:1,75:1,75.*

⁵ Предложение (61д) *Мы с братом построили дом наполовину* правильно, но в другом значении. Оно значит, что строительство дома доведено до середины, в то время как предложение со словом *наполам* осмысливается в том значении, что мы с братом поровну разделили расходы на строительство дома.

Такие ситуации, разумеется, никак не соотносятся с наречием *пополам*. Сравним предложения (65а) и (65б):

(65) а. *Казенный ром, которым ведал я, разводился водой в пропорции 1:1.*

б. *Казенный ром, которым ведал я, разводился пополам с водой.*

Как мы видели в предыдущем разделе, значение глагола *разводить* содержит две предикации — главную предикацию ‘уменьшать концентрацию вещества А1’ и второстепенную предикацию ‘смешивать А1 и А2’. Мы видели также, что ПА типа *наполовину, вдвое, на N процентов* и др. ожидаемым образом воздействуют именно на главную предикацию: *разбавить ром наполовину* значит наполовину уменьшить его крепость.

Перейдем к предложению (65а). Что значит *развести ром водой в пропорции 1:1*? Очевидно, имеется в виду, что надо добавить столько же воды, сколько было рома. А это значит, что выражение *в пропорции 1:1* воздействует на второстепенную предикацию в составе толкования *разводить*, поскольку именно в ней описывается соединение воды и рома. Этот вывод примечателен сам по себе, поскольку все случаи воздействия адвербиалов на невершенную предикацию в составе толкования глагола заслуживают внимания. Однако это еще не все. Синонимия *в пропорции 1:1* и *пополам*, которую мы наблюдали выше в примерах (63), а также синонимия предложений (65) заставляют нас признать, что и в (65б) *пополам* имеет ту же сферу действия, что и адвербиал *в пропорции 1:1* в (65а) — второстепенную предикацию ‘смешение А1 и А2’. *Развести ром пополам с водой* означает смешать ром пополам с водой, то есть смешать жидкости в такой пропорции, чтобы как ром, так и вода составляли половину смеси.

Какие выводы можно сделать из проведенного анализа? Мы обнаружили, что разные парциальные адвербиалы, и в частности, такие наречия, как *наполовину* и *пополам*, которые оба апеллируют к значению ‘половина’, имеют разные сферы действия внутри толкования глаголов *разводить* и *разбавлять*. Если *наполовину, вдвое, на N процентов* воздействуют на предикат ‘уменьшать’ из главной предикации, то *пополам* — на предикат ‘соединять’ из второстепенной предикации. Этим объясняется то, что употребление несинонимичных наречий *наполовину* и *пополам* в контексте глаголов *разбавлять* и *разводить* приводит к тождественному результату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- В. Апресян 2004 — Апресян В. Ю. Немного // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. С. 647—653. [Apresjan V. Ju. Nemnogo. *A new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 647—653.]
- Ю. Апресян 1974/1995 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974; Избранные труды: В 2 т. Т. I. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow: Nauka, 1974; Selected works: In 2 vol. Vol. I. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1995.]
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A dictionary of Modern Standard Russian]. Vol. 1—17. Moscow, 1948—1965.]
- Богуславский 2008 — Богуславский И. М. Только ли у глаголов есть диатезы? Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 6—28. [Boguslavsky I. M. Do only verbs have diatheses? *Voprosy jazykoznanija*. 2008. No. 6. Pp. 6—28.]
- Богуславский, Иомдин 2011 — Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. Валентные свойства автодериватов // Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 79—94. [Boguslavsky I. M., Iomdin L. L. Valency properties of autoderivatives.

- Slovo i yazyk: sbornik statei k vos'midesyatiletiju akad. Ju. D. Apresjana*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011. Pp. 79—94.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (in terms of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1997.]
- Григорьева 2004 — Григорьева С. А. Полностью, совершенно // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. С. 784—787, 1072—1075. [Grigorieva S. A. Polnost'yu, sovershenno. *A new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 784—787, 1072—1075.]
- Крысин, Ли Ын Ян 2000 — Крысин Л. П., Ли Ын Ян. Способы выражения смысла 'часть целого' в русском языке // Russistik. 2000. № 2. С. 5—21. [Krysin L. P., Li Yn Yan. Means of expression of the meaning 'part of the whole' in Russian. *Russistik*. 2000. No. 2. Pp. 5—21.]
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1957—1960. [*Slovar' russkogo yazyka* [The dictionary of the Russian language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1—4. Moscow, 1957—1960.]
- Мельчук, Холодович 1970 — Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124. [Mel'čuk I. A., Kholodovich A. A. Towards the theory of grammatical voice. *Narody Azii i Afriki*. 1970. No. 4. Pp. 111—124.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1992.]
- Ушаков — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1935—1940. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1—4. Moscow, 1935—1940.]
- Boguslavskaya, Boguslavsky 2015 — Boguslavskaya O., Boguslavsky I. Emotion and inner state adverbials in Russian. *Proceedings of the Third international conference on dependency linguistics* (Depling 2015). Uppsala, Sweden, August 24—26. 2015. Pp. 38—47.
- Boguslavsky 2014 — Boguslavsky I. Argument structure of adverbial derivatives in Russian. *Proceedings of COLING 2014, the 25th International conference on computational linguistics: Technical papers*. Dublin, Ireland, August 23—29, 2014. Pp. 1071—1080.
- Goddard, Wierzbicka 2014 — Goddard C., Wierzbicka A. *Words and meanings: Lexical semantics across domains, languages, and cultures*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Mel'čuk 2006 — Mel'čuk I. *Aspects of the theory of morphology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Mel'čuk 2015 — Mel'čuk I. *Semantics. From meaning to text*. Vol. 3. Amsterdam: John Benjamins, 2014.
- Sapir 1944 — Sapir E. Grading. A study in semantics. *Philosophy of Science*. 1944. Vol. 2. No. 2. Pp. 93—116.

Получено/received 22.10.2017

Принято/accepted 14.11.2017